

Глина: наша основа, наш источник, наша мать, наш потенциал

Потенциал глины принимать множество форм можно рассматривать либо как символ ограничивающего разделения, либо как символ объединения разнообразия недвойственного проявления.

Когда глина выступает символом ограничения, то, при отсутствии осознания открытой, пустой природы основы глина становится чем-то, на что можно воздействовать и чему можно придавать форму. В колесе становления первой звеном, или ниданой, является слепой старик, символизирующий неведение.

1) Звено неведения

Вторым звеном является гончарный круг. Этот круг большой, он расположен близко к земле и несет на себе огромный комок глины. Гончар вращает круг и работает с верхней частью комка глины, создавая форму. Из чего-то, не имеющего формы, возникает нечто конкретное.

2) Звено волевых факторов / импульсов

Если он лепит простую чашу, то форма появляется из глиняной массы так, что чаша остается частью этой массы — чаша, не отделенная от своего источника, основы, матери. Но затем гончар отделяет ее от массы, и чаша становится изолированным объектом. Это показывает, как все вещи в этом мире созданы из элементов, отделенных от основы путем отождествления,

намерения и действия. Гончар видит, что можно создать, и «освобождает» каждый предмет из массы. Масса — это глина, чаша — это глина, но благодаря разделению «чашность» чаши начинает преобладать над нашим ощущением «глиняности» чаши. Глина стала тем, за что мы ее принимаем.

Точно так же и наш ум является источником, основой, потенциалом. Когда мы не осознаем его таким, каков он есть, мы сосредотачиваемся на потенциале изолированных, конкретизированных мыслей, чувств, ощущений и прочего, что возникает и исчезает в уме. Наше внимание направлено не на их самовозникающую и саморастворяющуюся реальность, а на то, что мы создаем из них. Они становятся для нас тем, чем мы их считаем, что подтверждает наше существование как вещи в мире вещей, ограниченных и определяемых объектов.

Однако глина как источник, как неоформленный потенциал, показывает формы, которые могут помочь нам увидеть недвойственность источника и проявлений его потенциала. Когда мы создаем ца-ца, мы вдавливаем глину в формочку, которые придают ей очертания, не добавляя и не убавляя ничего. Когда мы осторожно достаем ца-ца из формочки, мы видим глиняного Будду. Глина и Будда недвойственны: это Будда, и это всего лишь глина; это всего лишь глина, и это Будда. Открытый, пустой потенциал глины проявляет разнообразные формы, оставаясь глиной. Формы, принимаемые глиной, не являются сущностными и не определяют потенциал глины. Это разнообразие неразделенных проявлений — это срединный путь между существованием одной вещи и множества разных вещей.

Создавая ца-ца, удерживая в уме одновременно глину и форму, мы можем раскрыть истинную нерожденную, недвойственную природу ца-ца — даже перед лицом склонности двойственного сознания утверждать иллюзию существования в проявлениях, которые по своей природе свободны как от существования, так и от несуществования.

Недвойственность — это реальность; двойственность — это воображение. Пусть через практику создания, посвящения и распространения ца-ца мы наполним шесть миров образами единого целого, истины Дзогпаченпо!